

Научная статья

УДК 343.3/.7

DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(2).240-247

О КАЧЕСТВЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭКСТРЕМИЗМ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ

С.М. Кочои*Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российская Федерация*

Информация о статье

Дата поступления

3 ноября 2021 г.

Дата принятия в печать

5 мая 2022 г.

Дата онлайн-размещения

23 мая 2022 г.

Ключевые слова

Экстремизм; идеологический экстремизм; терроризм; экстремистская деятельность; экстремистский акт

Финансирование

Государственное задание

075-00293-20-02 от 25 мая 2020 г.

на тему «Трансформация российского права в условиях больших вызовов: теоретико-прикладные основы».

Номер темы — FSMW-2020-0030

Аннотация. В правовых актах последних лет нередко используется понятие «идеологический экстремизм», однако ни в одном из них нет его определения. В статье предпринята попытка раскрыть его содержание, для чего проведен анализ как отечественного, так и международного законодательства о борьбе с экстремизмом. Сделан вывод о фактическом отсутствии определения экстремизма в законодательстве РФ и сформулировано следующее его определение: экстремизм — идеология и практика противоправного воздействия на органы власти и граждан по мотивам национальной (этнической), религиозной, расовой и (или) политической ненависти. Соответственно, под идеологическим экстремизмом предлагается понимать экстремизм в идеологии, т.е. систему основанных на ненависти или вражде идей. С учетом того что религия имеет самое непосредственное отношение к идеологии верующих, так как формирует ее, обосновывается вывод о том, что наиболее опасной формой идеологического экстремизма следует считать религиозный экстремизм.

С целью повышения качества уголовно-правового регулирования ответственности за экстремизм (идеологический экстремизм) предлагается разграничить в законодательстве понятия «экстремизм» и «экстремистская деятельность» (сегодня они используются как синонимы) так, как это сделано применительно к самостоятельному используемым в нем понятиям «терроризм» и «террористическая деятельность». При этом уголовно наказуемой должна быть объявлена экстремистская деятельность, которой мы предлагаем охватить преступления, именуемые в УК РФ «преступлениями экстремистской направленности» (примечание 2 к ст. 282.1). Кроме того, имеет смысл обратить внимание на опыт Конвенции по противодействию экстремизму, в которой наряду с понятием «экстремизм» используется понятие «экстремистский акт». Очевидно, что в ст. 280, 282.3 УК РФ следовало предусмотреть ответственность, например, не за публичные призывы к экстремистской деятельности (экстремизму) или ее финансирование, а за публичные призывы к совершению экстремистского акта или за его финансирование. Требуют внимания законодателя и правоприменителя также непрерывный рост и очевидное превалирование в преступлениях экстремистской направленности (преступлениях террористического характера) мотивов ненависти и (или) вражды. Поддерживается вывод о криминологической обоснованности придания этим мотивам значения самостоятельного квалифицирующего признака при совершении отдельных насильственных преступлений, прежде всего террористического акта (ст. 205 УК РФ).

Original article

ON THE QUALITY OF CRIMINAL LAW REGULATION OF LIABILITY FOR EXTREMISM AND IDEOLOGICAL EXTREMISM

Samvel M. Kochoi*Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, the Russian Federation*

Article info

Received

2021 November 3

Accepted

2022 May 5

Abstract. Although the legal acts of recent years often use the concept of «ideological extremism», none of them contain its definition. The author attempts to describe its contents by analyzing both Russian and international legislation on counteracting extremism.

It is concluded that the definition of extremism is in fact lacking in the Russian legislation, and the following definition is formulated: extremism is the ideology and

Available online
2022 May 23

Keywords

Extremism; ideological extremism;
terrorism; extremist activity; extremist act

Acknowledgements

The research is carried out within the state task 075-00293-20-02 of May 25, 2020, topic № FSMW-2020-0030 «Transformation of Russian Law in the Face of Great Challenges: Theoretical and Practical Foundations»

practice of illegal influence on the bodies of power and citizens motivated by national (ethnic), religious, racial and (or) political hatred.

Correspondingly, it is suggested that ideological extremism should be understood as extremism in ideology, i.e. a system of ideas based on hatred or animosity. Since religion is immediately related to the ideology of believers by forming it, it is proven that the most dangerous type of ideological extremism is religious extremism.

In order to improve the quality of criminal law regulation of liability for extremism (ideological extremism) it is suggested that the concepts «extremism» and «extremist activities» should be delineated in legislation (they are used as synonyms today), as is the case with independently used concepts «terrorism» and «terrorist activities». In doing so, the extremist activities encompassing crimes named «crimes of extremist orientation» in the Criminal Code of the Russian Federation (note 2 to Art. 282.1) should be declared as criminally prosecuted.

Besides, it makes sense to pay attention to the experience of the Convention on Combating Extremism that uses the concept «extremist act» alongside the concept of «extremism». Obviously, Art. 280, 282.3 of the Criminal Code of the Russian Federation should have provided liability, for example, not for public calls to extremist activities (extremism) or its financing, but for public calls to carry out an extremist act or for its financing.

Lawmakers and law enforcement should also pay attention to the continuous growth and obvious prevalence of the motives of hatred and (or) animosity in crimes of extremist orientation (crimes of extremist character). The author supports the criminological feasibility of giving these motives the significance of an independent qualifying feature in some violent crimes, primarily, a terrorist act (Art. 205 of the Criminal Code of the Russian Federation).

Введение

Согласно Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, приоритетами такого развития РФ в ближайшие 10–15 лет следует считать те его направления, которые позволят получить научные и научно-технические открытия и создать технологии, являющиеся основой инновационного развития внутреннего рынка продуктов и услуг, устойчивого положения России на внешнем рынке, и обеспечат, в частности, противодействие техногенным, биогенным, социокультурным угрозам, терроризму и идеологическому экстремизму, а также киберугрозам и иным источникам опасности для общества, экономики и государства¹.

Необходимо отметить, что понятие «идеологический экстремизм» содержится не только в приведенном документе, но и в некоторых других, принятых в последние годы². Однако ни в одном из них нет его определения.

Чтобы разобраться в том, что представляет собой идеологический экстремизм, нами прежде всего проведен анализ соответствующих норм УК РФ и профильного, антиэкстремистского законодательства³. Для достижения этой цели в работе использован также метод сравнительно-правового анализа международного и зарубежного законодательства, посвященного противодействию экстремизма.

Как следует из анализа антиэкстремистских норм российских законов, легальное определение экстремизма в них, по сути, отсутствует. В профильном законе (п. 1 ст. 1 федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности») определение экстремизма (экстре-

тельства РФ от 31 дек. 2020 г. № 3684-р // Там же ; Об утверждении перечня видов технологий, признаваемых современными технологиями в целях заключения специальных инвестиционных контрактов : распоряжение Правительства РФ от 28 нояб. 2020 г. № 3143-р // Там же ; Об утверждении формы федерального статистического наблюдения с указаниями по ее заполнению для организации Министерством науки и высшего образования Российской Федерации федерального статистического наблюдения за деятельностью организаций сектора исследований и разработок : приказ Росстата от 6 марта 2020 г. № 111 // Там же ; Паспорт национального проекта «Наука» : утв. Президиумом Совета при Президенте РФ по стратег. развитию и нац. проектам (протокол от 24 дек. 2018 г. № 16) // Там же.

³ О противодействии экстремистской деятельности : федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ : (ред. от 1 июля 2021 г.) // Российская газета. 2002. 30 июля.

¹ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации : указ Президента РФ от 1 дек. 2016 г. № 642 : (ред. от 15 марта 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 49. Ст. 6887.

² Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития синхротронных и нейтронных исследований и исследовательской инфраструктуры на 2019–2027 годы : постановление Правительства РФ от 16 марта 2020 г. № 287 // СПС «КонсультантПлюс» ; Об утверждении Программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 годы) : распоряжение Прави-

мистской деятельности) фактически подменено по решению законодателя простым перечислением охватываемых им деяний (как преступлений, так и правонарушений). УК РФ также апеллирует к этому понятию, но довольно своеобразно: использует его усеченное название — термин «экстремистская деятельность» без упоминания его синонима — слова «экстремизм» (ст. 104.1, 280, 282.2, 282.3 УК РФ).

Иное дело доктрина, в которой отсутствие легального определения экстремизма компенсируется обилием определений, предлагаемых его многочисленными исследователями [1, с. 13; 2, с. 29; 3, с. 11].

Что касается зарубежных специалистов, то до недавних пор они в целом не выделяли экстремизм как криминальное явление, предпочитая говорить о «преступлениях ненависти» [4–6]. Но сейчас эта тема активно обсуждается также в зарубежной юридической литературе. Например, в ней стали выделять экстремистскую преступность [7–9] и называть такие его виды, как насильственный [10], политический [11] и религиозный [12] экстремизм.

Менее разработанной эта тема является в зарубежном законодательстве. По сути, понятие «экстремизм» и производные от него слова используются только в законодательстве отдельных государств из числа бывших советских республик⁴.

Основное исследование

В отличие от национального законодательства, международное право в вопросе регулирования ответственности за экстремизм с самого начала шло по пути формирования его определения. Правда, само международное антиэкстремистское законодательство представлено лишь одним значимым документом — Шанхайской конвенцией о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (далее — Конвенция, Шанхайская конвенция). Конвенция была подписана Президентом РФ 15 июня 2001 г. в ходе встречи глав государств Российской Федерации, Республики Казахстан, Киргизской Республики, Китайской Народной Республики, Республики Таджикистан и Республики Узбекистан в г. Шанхае (Китай). Она также была ратифицирована Российской Федерацией 10 января 2003 г. Конвенция содержит определения терроризма, сепаратизма и экстремизма.

⁴ Подобные нормы имеются, в частности, в уголовных кодексах Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Таджикистан.

Согласно п. 3 ч. 1 ст. 1 Конвенции, экстремизм — это «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон»⁵.

Таким образом, согласно позиции государств, подписавших Шанхайскую конвенцию, экстремизм — это, во-первых, насильственное деяние, во-вторых, насильственное деяние, которое признается преступлением. Данное определение хотя и противоречит этимологии слова «экстремизм», под которым понимают приверженность к крайним взглядам и мерам [13, с. 806], однако в целом представляется удачным, поскольку объявляет вне закона любой вид экстремизма, а наиболее опасный его вид — насильственный⁶.

Казалось бы, после подписания Конвенции разрабатывавшийся в тот период проект федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» учтет дефиницию экстремизма, признанную в том числе российской стороной, однако этого не произошло. Принятый 25 июля 2002 г. федеральный закон объединил в единое понятие «экстремизм» как насильственные действия, так и мирные, лишённые какого-либо насилия или даже угрозы его применения деяния.

Более того, можно предположить, что российский вариант определения экстремизма оказался востребованным государствами — участниками Шанхайской организации сотрудничества, которые 9 июня 2017 г. в Астане заключили Конвенцию по противодействию экстремизму (далее — Конвенция 2017 г.). Согласно данному документу, «развивая положения Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года, ее подписанты предложили иное

⁵ Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года // Бюллетень международных договоров. 2004. № 1. С. 29–36.

⁶ Такой подход превагирует в законодательстве тех государств, в которых содержится дефиниция данного понятия (например, Великобритании, Дании) [14].

определение рассматриваемого понятия. Теперь Стороны договорились, что экстремизм — это «идеология и практика, направленные на разрешение политических, социальных, расовых, национальных и религиозных конфликтов путем насильственных и иных антиконституционных действий»⁷. Как видим, главное отличие данного определения от предыдущего заключается в более широкой трактовке экстремизма: в последнем документе он охватывает как насильственные действия, так и ненасильственные. Данное обстоятельство, безусловно, следует учитывать при формулировании определения экстремизма в доктрине. Помимо этого, по нашему мнению, основой для формулирования данного определения может служить легальное определение терроризма⁸. Подобная постановка возможна, если иметь в виду, что терроризм, по признанию большинства специалистов [15, с. 34; 16, с. 19], представляется формой экстремизма. Исходя из вышеизложенного, на наш взгляд, экстремизм можно определить как *идеологию и практику противоправного воздействия на органы власти и граждан по мотивам национальной (этнической), религиозной, расовой и (или) политической ненависти*⁹.

Соответственно, идеологический экстремизм следует понимать как экстремизм в идеологии, т.е. *систему основанных на ненависти или вражде идей*. Иначе говоря, появление в идеологии ненависти или вражды по экстремистским мотивам.

С учетом того что религия имеет самое непосредственное отношение к идеологии верующих, так как формирует ее, наиболее опасной формой идеологического экстремизма, на наш взгляд, следует считать религиозный экс-

тремизм¹⁰. Именно религиозный экстремизм является подпиткой для наиболее опасного и к тому же распространенного вида терроризма — религиозного. Представляется, что выявление деяний, содержащих признаки религиозного экстремизма (преступлений экстремистской направленности по мотивам религиозной ненависти или вражды), а также возможное усиление ответственности за их совершение следует рассматривать в качестве важных средств успешного противодействия терроризму по религиозным мотивам (преступлениям террористического характера по религиозным мотивам).

К сожалению, общедоступная статистика противодействия преступлениям экстремистской направленности и террористического характера не позволяет выяснить, какую долю в них занимают деяния, совершенные по мотиву религиозной ненависти или вражды. Однако даже из опубликованной практики несложно понять, что такие мотивы преобладают над остальными¹¹. При этом следует отметить, что указанные мотивы лежат в основе перерастания террористической деятельности в более опасные преступления, прежде всего преступления против мира и человечности.

О том, что терроризм по мотивам ненависти или вражды к представителям других, не исповедуемых террористами религий¹², может приве-

⁷ Шанхайской Конвенцией о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.

⁸ Терроризм — идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий. См.: О противодействии терроризму: федер. закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ: (ред. от 26 мая 2021 г.). П. 1 ст. 3 // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

⁹ Из данного определения мы сознательно исключаем мотив ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, поскольку он не назван ни в Шанхайской конвенции, ни в Конвенции по противодействию экстремизму, ни в легальном определении терроризма.

¹⁰ Видимо, по этой причине в юридических документах можно встретить примеры использования понятий «идеология» и «религия» как синонимов. Так, при описании моделей нарушителей безопасности на радиационном объекте одна из мотиваций нарушения в приказе Ростехнадзора указана как идеологическая (религиозная). См.: Об утверждении руководства по безопасности при использовании атомной энергии «Рекомендации по проведению анализа уязвимости радиационного объекта»: приказ Ростехнадзора от 14 дек. 2016 г. № 535 (вместе с «РБ-120-16...») // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 5 августа 2021 г. № 224-УД21-13-А6 // Там же; Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 13 сентября 2018 г. № 205-АПУ18-23 // Там же; Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 22 августа 2019 г. № 208-АПУ19-8 // Там же.

¹² Или, как указал Верховный Суд РФ по одному из дел, «по мотиву религиозной ненависти в отношении социальной группы (к не исповедующим ислам)». См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 23 мая 2019 г. № 205-АПУ19-8 // Там же.

сти к геноциду религиозной группы как таковой, свидетельствует деятельность крупнейшей международной террористической организации современности, запрещенной во многих государствах мира, в том числе и в РФ, — «Исламского государства» (ИГ) [17]. Именно эту организацию ООН, другие авторитетные международные организации и ряд государств считают повинной в совершении «преступления преступлений»¹³ — геноцида религиозной и этнической группы езидов на севере Ирака в 2014 г.¹⁴

Выводы

Анализ практики уголовно-правового противодействия деятельности экстремистских (террористических) организаций позволяет сформулировать ряд предложений, направленных в конечном счете на повышение качества уголовно-правового регулирования ответственности за совершение ими преступлений, обусловленных религиозной (идеологической) ненавистью или враждой.

Прежде всего, нуждается в пересмотре в целом репрессивно-карательный вектор развития антиэкстремистского уголовного законодательства. Мы согласны с мнением о том, что в период 2002–2018 гг. развитие законодательства о противодействии экстремизму «шло по пути усиления его карательной составляющей» [19]. Однако эта оценка должна быть распространена также на последующие годы. В частности, несмотря на последовавшую в 2018 г. декриминализацию совершенных впервые действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц (ч. 1 ст. 282 УК РФ)¹⁵, одновременно продолжались при-

маться законы, как расширяющие понятие экстремизма, так и усиливающие ответственность за совершение преступлений экстремистской направленности. В частности, в 2019 и 2020 гг. расширено понятие экстремистской деятельности¹⁶. Очевидно, не за горами принятие закона, инициатором разработки проекта которого является генеральный прокурор России, признавший «необходимым включение реабилитации, оправдания и пропаганды нацизма в понятие экстремистской деятельности»¹⁷.

По нашему мнению, как профильное антиэкстремистское законодательство, так и соответствующие уголовно-правовые нормы в целом нуждаются в реформировании. Речь идет не о примитивной либерализации и тем более не о том, чтобы оставить безнаказанными проявления нацизма, расизма или «языка ненависти» (hate speech). Речь идет о необходимости осмысления самого законотворчества, объединяющего разные по степени, характеру и целям деяния в одно общее понятие, не имеющее ни внешних границ, ни внутренних критериев формирования. Не ведет ли оно к превращению экстремизма в «резиновое» понятие?

Но при этом нельзя оставлять без внимания рост и очевидное превалирование мотивов религиозной ненависти или вражды среди иных мотивов в преступлениях экстремистской направленности (преступлениях террористического характера). Неслучайно Модельный УК для государств — участников СНГ (п. «е» ч. 1 ст. 63) рекомендовал признатьотячающим наказание обстоятельством «религиозный фанатизм» (помимо «совершения преступления по мотиву национальной, расовой или религиозной вражды»). В связи с этим нами поддерживается вывод о криминологической обос-

¹³ Так определяют это преступление в международном праве, подчеркивая тем самым его наиболее высокую среди всех преступлений степень общественной опасности [18].

¹⁴ «They came to destroy»: ISIS Crimes Against the Yazidis // Reliefweb. URL: <https://reliefweb.int/report/syrian-arab-republic/they-came-destroy-isis-crimes-against-yazidis-human-rights-council> ; UN Commission of Inquiry on Syria: ISIS is committing genocide against the Yazidis // Ohchr. URL: <https://www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=20113> ; Армянский парламент признал и осудил геноцид езидов 2014 года в Ираке // Newsarmenia. URL: <https://newsarmenia.am/news/politics/armyanskiy-parlament-prinyal-i-osudil-genotsid-ezidov-2014-goda-v-irake>.

¹⁵ О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации : федер. закон от 27 дек. 2018 г. № 519-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» : федер. закон от 31 июля 2020 г. № 299-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»; О внесении изменений в статью 6 Федерального закона «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» и статью 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» : федер. закон от 2 дек. 2019 г. № 421-ФЗ // Там же.

¹⁷ Хабаровский процесс как ключевая точка исторической памяти в условиях современных политических и информационных вызовов : текст выступления Генер. прокурора РФ И. Краснова на втором пленар. заседании // Telegra.ph. URL: <https://telegra.ph/Tekst-vystupleniya-Generalnogo-prokurora-Rossijskoj-Federacii-Igorya-Krasnova-na-vtorom-plenarnom-zasedanii-Nabarovskij-process-09-06>.

ванности придания указанным мотивам, в том числе религиозному фанатизму, значения самостоятельного квалифицирующего признака при совершении отдельных насильственных преступлений, прежде всего террористического акта (ст. 205 УК РФ) [20, с. 57].

Также для целей применения уголовного закона представляется необходимым разграничение в федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» понятий «экстремизм» и «экстремистская деятельность» (сегодня они используются как синонимы) так, как это сделано в федеральном законе «О противодействии терроризму», в котором наряду с понятием «терроризм» используется понятие «террористическая деятельность». При этом уголовно-правовое содержание должно иметь именно понятие «экстремистская деятельность» (напомним, что понятие «террористическая деятельность» содержится и раскрывается также в УК РФ). Мы полагаем, что понятием «экстремистская деятельность» следует охватить преступления, которые в примечании 2 к ст. 282.1 УК РФ в настоящее время называются преступлениями экстремистской направленности.

Кроме того, следует использовать опыт Конвенции 2017 г. (п. 3 ч. 1 ст. 2), в которой наряду с понятием «экстремизм» используется понятие «экстремистский акт»¹⁸. Представляется,

¹⁸ Согласно данному документу, экстремистский акт — «деяния, предусмотренные подпунктом 3 пункта 1 статьи 1 Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г.; организация вооруженного мятежа и участие в нем в экстремистских целях; создание, руководство и участие в экстремистской организации; разжигание политической, социальной, расовой, национальной и религиозной вражды или розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его политической, социальной, расовой, национальной и религиозной принадлежности; публичные

что именно за экстремистский акт как конкретное поведение (общественно опасное деяние) должна быть предусмотрена уголовная ответственность, а не за экстремистскую деятельность (по сути, за экстремизм) в целом. Соответственно, в ст. 280, 282.3 УК РФ ответственность следовало предусмотреть, например, не за публичные призывы к экстремистской деятельности (экстремизму) или ее финансирование, а за публичные призывы к совершению экстремистского акта или за его финансирование.

Основой для определения понятия «экстремистский акт» в федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» и в УК РФ могут служить его определение в Конвенции 2017 г., а также нормы о террористическом акте в УК РФ и федеральном законе «О противодействии терроризму». В связи с этим следует напомнить, что название ст. 205 УК РФ «Терроризм» в 2006 г. также сменилось на «Террористический акт».

В целом значение национального уровня уголовно-правового регулирования ответственности за экстремизм остается довольно высоким. Между тем нельзя отрицать влияние интеграционных процессов на трансформацию уголовного права во всем мире. Глобализация и интеграция расширяют национальные границы, что не может не способствовать развитию правовой интеграции и межгосударственного взаимодействия в уголовном праве в общем. Мы считаем, что сближение национального антиэкстремистского законодательства России с международным законодательством и законодательством зарубежных государств, в которых противоправными (преступными) объявлены насильственные формы экстремизма, могло бы стать важным свидетельством интегративной роли уголовного права.

призывы к осуществлению указанных деяний; массовое изготовление, хранение и распространение экстремистских материалов в целях пропаганды экстремизма».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борисов С.С. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / С.С. Борисов. — Москва, 2012. — 45 с.
2. Хлебушкин А.Г. Преступления экстремистской направленности в системе посягательств на основы конституционного строя Российской Федерации. Вопросы квалификации и судебной практики / А.Г. Хлебушкин. — Москва : Проспект, 2015. — 192 с.
3. Саркисов Д.Н. Уголовно-правовые средства противодействия экстремистской деятельности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Д.Н. Саркисов. — Москва, 2010. — 196 с.
4. Williams M.L. Hate Crime Victimization in Wales: Psychological and Physical Impacts Across Seven Hate Crime Victim Types / M.L. Williams, J. Tregidga. — DOI 10.1093/BJC/AZU043 // British Journal of Criminology. — 2014. — Vol. 54, iss. 5. — P. 946–967.
5. Myers W. Reporting Racist Hate Crime Victimization to the Police in the United States and the United Kingdom: A Cross-National Comparison / W. Myers, B. Lantz. — DOI 10.1093/bjc/azaa008 // British Journal of Criminology. — 2020. — Vol. 60, iss. 4. — P. 1034–1055.
6. Benier K. Ethnic Hate Crime in Australia: Diversity and Change in the Neighbourhood Context / K. Benier, R. Wickes, A. Higginson. — DOI 10.1093/BJC/AZV067 // British Journal of Criminology. — 2016. — Vol. 56, iss. 3. — P. 479–496.

7. Gruenewald J. A Comparison of Ideologically-Motivated Homicides from the New Extremist Crime Database and Homicides from the Supplementary Homicide Reports Using Multiple Imputation by Chained Equations to Handle Missing Values / J. Gruenewald, W.A. Pridemore. — DOI 10.1007/s10940-011-9155-5 // *Journal of Quantitative Criminology*. — 2012. — Vol. 28, iss. 1. — P. 141–162.
8. American Terrorism and Extremist Crime Data Sources and Selectivity Bias: An Investigation Focusing on Homicide Events Committed by Far-Right Extremists / S.M. Chermak, J.D. Freilich, W.S. Parkin, J. Lynch. — DOI 10.1007/s10940-011-9156-4 // *Journal of Quantitative Criminology*. — 2012. — Vol. 28, iss. 1. — P. 191–218.
9. A Life-Course Analysis of Engagement in Violent Extremist Groups / C. Carlsson, A. Rostami, H. Mondani [et al.]. — DOI 10.1093/bjc/azz048 // *British Journal of Criminology*. — 2020. — Vol. 60, iss. 1. — P. 74–92.
10. LaFree G. Editor's Introduction: Terrorism and Violent Extremism / G. LaFree, F. Weerman, C. Bijleveld. — DOI 10.1007/s10940-020-09475-5 // *Journal of Quantitative Criminology*. — 2020. — Vol. 36. — P. 399–405.
11. LaFree G. Prison and Violent Political Extremism in the United States / G. LaFree, B. Jiang, L.C. Porter. — DOI 10.1007/s10940-019-09412-1 // *Journal of Quantitative Criminology*. — 2020. — Vol. 36, iss. 6. — P. 473–498.
12. Sandberg S. 'ISIS is not Islam': Epistemic Injustice, Everyday Religion, and Young Muslims' Narrative Resistance / S. Sandberg, S. Colvin. — DOI 10.1093/bjc/azaa035 // *British Journal of Criminology*. — 2020. — Vol. 60, iss. 6. — P. 1585–1605.
13. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; под ред. Н.Ю. Шведовой. — Москва: Рус. яз., 1984. — 816 с.
14. Волеводз А.Г. Международно-правовые подходы к противодействию экстремизму: материально-правовые и процессуальные аспекты / А.Г. Волеводз, В.А. Ализаде // *Международное уголовное право и международная юстиция*. — 2018. — № 6. — С. 7–11.
15. Устинов В. Экстремизм и терроризм: проблемы разграничения и классификации / В. Устинов // *Российская юстиция*. — 2002. — № 5. — С. 34–36.
16. Фридинский С.Н. Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологический аспекты / С.Н. Фридинский. — Ростов-на-Дону, 2004. — 195 с.
17. Кочои С.М. «Исламское государство»: от терроризма к геноциду / С.М. Кочои. — DOI 10.12737/6587 // *Журнал российского права*. — 2014. — № 12 (216). — С. 61–72.
18. Кочои С.М. Геноцид: понятие, ответственность, практика / С.М. Кочои // *Уголовное право*. — 2001. — № 2. — С. 95–97.
19. Сигарев А.В. Законодательство о противодействии экстремизму: требуется не либерализация, а модернизация / А.В. Сигарев. — DOI 10.18572/0131-6761-2021-1-55-57 // *Российская юстиция*. — 2021. — № 1. — С. 55–57.
20. Велиев Ф.З. Мотив ненависти или вражды и его уголовно-правовое значение / Ф.З. Велиев. — Москва: Проспект, 2015. — 152 с.

REFERENCES

1. Borisov S.S. *Extremism Crimes: Problems of Legislation and Law Enforcement*. Doct. Diss. Thesis. Moscow, 2012. 45 p.
2. Khlebushkin A.G. *Extremism Crimes in the System of Infringements on the Foundations of the Constitutional Order of the Russian Federation: Issues of Qualifying and Court Practice*. Moscow, Prospekt Publ., 2015. 192 p.
3. Sarkisov D.N. *Criminal-Law Means of Counteraction to Extremist Activity*. Cand. Diss. Moscow, 2010. 196 p.
4. Williams M.L., Tregidga J. Hate Crime Victimization in Wales: Psychological and Physical Impacts Across Seven Hate Crime Victim Types. *British Journal of Criminology*, 2014, vol. 54, iss. 5, pp. 946–967. DOI: 10.1093/BJC/AZU043.
5. Myers W., Lantz B. Reporting Racist Hate Crime Victimization to the Police in the United States and the United Kingdom: A Cross-National Comparison. *British Journal of Criminology*, 2020, vol. 60, iss. 4, pp. 1034–1055. DOI: 10.1093/bjc/azaa008.
6. Benier K., Wickes R., Higginson A. Ethnic Hate Crime in Australia: Diversity and Change in the Neighbourhood Context. *British Journal of Criminology*, 2016, vol. 56, iss. 3, pp. 479–496. DOI: 10.1093/BJC/AZV067.
7. Gruenewald J., Pridemore W.A. A Comparison of Ideologically-Motivated Homicides from the New Extremist Crime Database and Homicides from the Supplementary Homicide Reports Using Multiple Imputation by Chained Equations to Handle Missing Values. *Journal of Quantitative Criminology*, 2012, vol. 28, iss. 1, pp. 141–162. DOI: 10.1007/s10940-011-9155-5.
8. Chermak S.M., Freilich J.D., Parkin W.S., Lynch J. American Terrorism and Extremist Crime Data Sources and Selectivity Bias: An Investigation Focusing on Homicide Events Committed by Far-Right Extremists. *Journal of Quantitative Criminology*, 2012, vol. 28, iss. 1, pp. 191–218. DOI: 10.1007/s10940-011-9156-4.
9. Carlsson C., Rostami A., Mondani H., Sturup J., Sarnecki J., Edling C. A Life-Course Analysis of Engagement in Violent Extremist Groups. *British Journal of Criminology*, 2020, vol. 60, iss. 1, pp. 74–92. DOI: 10.1093/bjc/azz048.
10. LaFree G., Weerman F., Bijleveld C. Editor's Introduction: Terrorism and Violent Extremism. *Journal of Quantitative Criminology*, 2020, vol. 36, pp. 399–405. DOI: 10.1007/s10940-020-09475-5.
11. LaFree G., Jiang B., Porter L.C. Prison and Violent Political Extremism in the United States. *Journal of Quantitative Criminology*, 2020, vol. 36, iss. 6, pp. 473–498. DOI: 10.1007/s10940-019-09412-1.
12. Sandberg S., Colvin S. 'ISIS is not Islam': Epistemic Injustice, Everyday Religion, and Young Muslims' Narrative Resistance. *British Journal of Criminology*, 2020, vol. 60, iss. 6, pp. 1585–1605. DOI: 10.1093/bjc/azaa035.
13. Ozhegov S.I.; Shvedova N.Yu. (ed.). *Dictionary of the Russian Language*. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1984. 816 p.
14. Volevodz A.G., Alizade V.A. International Law Approaches to Combating Extremism: Substantive and Procedural Aspects. *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya = International Criminal Law and International Justice*, 2018, no. 6, pp. 7–11. (In Russian).
15. Ustinov V. Extremism and Terrorism: Problems of Differentiation and Classification. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2002, no. 5, pp. 34–36. (In Russian).
16. Fridinsky S.N. *Fighting Extremism: Criminal Law and Criminological Aspects*. Rostov-on-Don, 2004. 195 p.
17. Kochoi S.M. «The Islamic State»: from Terrorism to Genocide. *Zhurnal rossiiskogo prava = Russian Law Journal*, 2014, no. 12, pp. 61–72. (In Russian). DOI: 10.12737/6587.

18. Kochoi S.M. Genocide: Concept, Responsibility, Practice. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2001, no. 2, pp. 95–97. (In Russian).
19. Sigarev A.V. Legislation on Countering Extremism: Modernization, not Liberalization, is Required. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2021, no. 1, pp. 55–57. (In Russian). DOI: 10.18572/0131-6761-2021-1-55-57.
20. Veliev F.Z. *The Motive of Hatred or Enmity and its Criminal Legal Significance*. Moscow, Prospekt Publ., 2015. 152 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Kochoi Samvel Mamaidovich — профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: sam.kochoi@bk.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Кочои С.М. О качестве уголовно-правового регулирования ответственности за экстремизм и идеологический экстремизм / С.М. Кочои. — DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(2).240-247 // Всероссийский криминологический журнал. — 2022. — Т. 16, № 2. — С. 240–247.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kochoi, Samvel M. — Professor, Chair of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Russian Higher Education, Moscow, the Russian Federation; e-mail: sam.kochoi@bk.ru.

FOR CITATION

Kochoi S.M. On the quality of criminal law regulation of liability for extremism and ideological extremism. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2022, vol. 16, no. 2, pp. 240–247. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(2).240-247.